

Книги
ПОЛИНЫ САЙМОНС

Медный всадник
♦
Татьяна и Александр
♦
Летний сад

Пауина Саймонс

ЛЕТНИЙ
САД

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 14

Paullina Simons
THE SUMMER GARDEN
Copyright © 2005 by Paullina Simons
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Голубевой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Саймонс П.

С 14 Летний сад : роман / Полина Саймонс ; пер. с англ. Т. Голубевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 928 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-25743-6

Война и разлука позади. Татьяна и Александр, которые встретились в Ленинграде сорок первого, а потом расстались на долгие годы, снова вместе. Но где же прежнее счастье? Разве они не доказали друг другу, что их любовь сильнее мирового зла? У них растет чудесный сын, они живут в стране, которую сами выбрали. Однако оба не могут преодолеть разделяющее их отчуждение. Путь друг к другу оказывается тернистым; в США времен холодной войны царят страх и недоверие, угрожающие их семье. Татьяна и Александр перебираются из штата в штат, не находя пристанища, как перекасти-поле, лишённое корней. Сумеют ли они обрести настоящий дом в послевоенной Америке? Или призраки прошлого дотянутся до них, чтобы омрачить даже судьбу их первенца?

«Летний сад» — завершающий роман трилогии Полины Саймонс, американской писательницы, которая родилась в Советском Союзе в 1963 году и через десять лет вместе с семьей уехала в США. Спустя многие годы Полина вернулась в Россию, чтобы найти материалы для своей книги и вместе с героями пройти сквозь тяжкие испытания, выпавшие на их долю.

Роман выходит в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-25743-6

© Т. В. Голубева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Книга первая

КРАЙ ЛЮПИНОВ
И ЛОТОСОВ

Глава 1

ОЛЕНИЙ ОСТРОВ, 1946 ГОД

ПАНЦИРЬ

Панцирь (существительное) — твердая толстая раковина или оболочка из кости или хитина, что прикрывает части тела животного, такого как лобстер.

Когда-то давно в Стонингтоне, в штате Мэн, перед рассветом, в конце горячей войны и перед началом холодной, молодая женщина в белом, внешне спокойная, но с дрожащими руками, сидела на скамье у залива и ела мороженое.

Рядом с ней сидел маленький мальчик и тоже ел мороженое; у него было шоколадное. Они время от времени разговаривали; мороженое таяло быстрее, чем женщина успевала есть. Мальчик слушал, как она напевает ему русский романс «Гори, гори, моя звезда», стараясь научить его словам, а он, дразня ее, путал строки. Они наблюдали за тем, как возвращались к берегу ловцы лобстеров. Женщина обычно слышала крики чаек еще до того, как видели сами лодки.

Дул легчайший ветерок, чуть шевеля волосы женщины вокруг лица. Несколько прядей выбились из длинной толстой косы, спадавшей через плечо. Она была светловолосой и миловидной, с прозрачной кожей и прозрачными глазами, веснушчатой. А у загорелого мальчика были черные волосы, и темные глаза, и пухлые детские ножки.

Они как будто сидели здесь без определенной цели, но так лишь казалось. Женщина сосредоточенно наблюдала за лодками на голубом горизонте. Она могла бы посмотреть на мальчика, на мороженое, но не сводила взгляда с залива, словно он притягивал ее.

Татьяна упивалась настоящим, потому что ей хотелось верить, что вчерашнего дня нет, что есть лишь мгновение здесь, на Оленьем

острове — одном из длинных пологих островов, расположенных у побережья Центрального Мэна и связанных с континентом паромом или подвесным мостом. По такому мосту длиной в тысячу футов они ехали в своем доме на колесах, старом «номаде-делюкс». Катили через залив Пенобскот, вдоль Атлантики на юг, на самый край мира, в Стоунингтон, маленький городок, приютившийся между дубовыми рощами на холмах у самой оконечности Оленьего острова. Татьяна, отчаянно пытавшаяся жить только настоящим, полагала, что нет ничего более прекрасного или мирного, чем эти белые деревянные домики, построенные на склонах вдоль узких грязных дорог и смотрящие на пространство волнующейся воды, за которым она наблюдала день за днем. Это покой. Это настоящее. Все почти так, словно ничего другого нет.

Но с каждым ударом сердца, когда чайки кружили и кричали, что-то вторгалось даже на Олений остров.

В тот день Татьяна и Энтони вышли из дома, чтобы поехать к заливу, и услышали громкие голоса по соседству.

Там жили две женщины, мать и дочь. Одной было сорок, второй двадцать.

— Они снова ругаются, — сказал Энтони. — Вот вы с папой никогда не ссоритесь.

Ссора!

Если бы они ссорились...

Александр ни на йоту не повышал голос. Если он вообще говорил с ней, то никогда не менял глубокого ровного тона, как будто подражал любезному, доброжелательному доктору Эдварду Ладлоу, когда-то любившему ее в Нью-Йорке, — надежному, верному доктору Эдварду. Александр старался приобрести похожие манеры.

Ссора могла бы потребовать пробуждения соучастия в другом человеке. В соседнем доме орала мать и дочь, по какой-то причине они, случалось, препирались в это время дня, и их крики доносились из открытых окон. Хорошая новость: муж и отец, полковник, только что вернулся с войны. Плохая новость: муж и отец, полковник, только что вернулся с войны. Они ждали его, с тех пор как он уехал в Англию в 1942 году, а теперь он здесь.

Он не принимал участия в ссоре. Энтони и Татьяна вышли на дорогу и увидели, что он поставил свою инвалидную коляску в заросшем переднем дворе и впитывал солнце Мэна, подобно какому-

нибудь кусту, пока его жена и дочь бесновались в доме. Женщина с сыном приостановились, поравнявшись с его двором.

— Мам, а что с ним такое? — шепотом спросил Энтони.

— Он пострадал на войне.

У полковника не было ног, не было рук, остался лишь торс с обрубками да голова.

— А он может говорить?

Они были перед его воротами.

Внезапно мужчина произнес громко и отчетливо, голосом, привыкшим отдавать приказы:

— Он может говорить, но предпочитает этого не делать.

Энтони и Татьяна остановились перед воротами и несколько мгновений наблюдали за ним. Татьяна открыла защелку, они вошли во двор. Полковник склонился влево, как мешок, слишком тяжелый с одной стороны. Руки отсутствовали почти до локтей. Ноги были отрезаны почти полностью.

— Позвольте вам помочь. — Татьяна посадила его ровно, поправила подушки, что поддерживали его с боков. — Так лучше?

— А-а, — протянул мужчина. — Хоть так, хоть эдак... — Его маленькие голубые глаза уставились на ее лицо. — А вообще знаете, чего бы мне хотелось?

— Чего?

— Сигарету. Я теперь не могу курить; не могу поднести ничего ко рту, как видите. А они... — Он кивнул в сторону дома. — Они скорее сдохнут, чем дадут ее мне.

Татьяна кивнула:

— У меня найдется. Я сейчас вернусь.

Мужчина отвернулся от нее и посмотрел на залив:

— Не вернетесь.

— Вернусь. Энтони, — сказала она, — побудь с этим милым человеком, пока мама не вернется... всего минутку.

Энтони был только рад. Подхватив его, Татьяна посадила мальчика на колено полковника:

— Ты можешь держаться за его шею.

Когда она убежала за сигаретами, Энтони спросил:

— А как вас зовут?

— Полковник Николас Мур, — ответил мужчина. — Но ты можешь называть меня Ником.

— Вы были на войне?

- Да, я был на войне.
- Мой папа тоже, — сказал Энтони.
- Ох... — вздохнул мужчина. — Он вернулся?
- Вернулся.

Прибежала Татьяна и, раскурив сигарету, держала ее у рта Николаса, пока тот курил, глубоко вдыхая дым, как будто втягивал его не просто в легкие, а в самую свою сущность. Энтони сидел на обрубке его ноги, наблюдая за тем, как тот с наслаждением вдыхал дым и с неприязнью выдыхал, как будто не хотел расставаться с никотином. Полковник выкурил две сигареты подряд, и Татьяна склонялась над ним, держа их возле его рта.

Энтони сказал:

- Мой папа был майором, а теперь ловит лобстеров.
- Он капитан, сынок, — поправила его Татьяна. — Капитан.
- Мой папа был майором и капитаном, — сказал Энтони. — Мы собираемся съесть мороженое, пока будем ждать, когда он вернется с моря. Хотите, мы принесем вам мороженое?

— Нет, — ответил Ник, слегка наклоняя голову к черным волосам Энтони. — Но это для меня самые счастливые пятнадцать минут за восемнадцать месяцев.

В этот момент из дома выскочила его жена.

— Что вы тут делаете с моим мужем? — визгливо закричала она.

Татьяна подхватила Энтони на руки.

- Я приду завтра, — быстро сказала она.
- Не вернешься ты, — возразил Ник, уставившись на нее.

И вот теперь они сидели на скамье и ели мороженое.

Вскоре послышались далекие крики чаек.

— Это папа, — затаив дыхание, сказала Татьяна.

Суденьшко представляло собой двадцатифутовый шлюп с парусом, хотя большинство рыболовецких судов были оснащены бензиновым мотором. Принадлежал он Джимми Шастеру, достался ему от отца. Джимми любил эту лодку, потому что мог в одиночку выходить на ней в море и ловить лобстеров сетью. «Работа для одного» — так он говорил. А потом его рука застряла в лебедке, попав под канат, что вытягивал тяжелую ловушку для лобстеров из воды. И чтобы высвободиться, ему пришлось отрезать себе

руку у запястья, что спасло ему жизнь и избавило от участия в войне, — но теперь он не мог обойтись без помощников. Проблема заключалась в том, что все матросы в последние четыре года находились в Хюртгенском лесу и при Иводзиме.

Десять дней назад Джимми стал матросом. Сегодня он был на корме, а высокий молчаливый человек, сосредоточенный, в оранжевом комбинезоне и черных резиновых сапогах, — выпрямившись, стоял на носу и пристально смотрел на берег.

Татьяна, в белом хлопковом платье, поднялась со скамьи и, когда шлюп подошел достаточно близко, хотя и не к самому берегу, замахала руками, раскачиваясь из стороны в сторону. «Александр, я здесь, я здесь», — словно говорили ее руки.

Увидев ее наконец, он помахал в ответ.

Шлюп встал у торгового причала, ловушки открыли над баками. Спрыгнув вниз, высокий мужчина сказал, что вернется, чтобы разгрузиться и прибраться, быстро ополоснул руки под краном на причале и пошел вверх по склону от причала, к скамье, где сидели женщина и мальчик.

Ребенок побежал ему навстречу.

— Привет! — сказал он и застенчиво замер.

— Привет, дружок. — Мужчина не мог потрепать волосы Энтони: его руки были слишком грязными.

Под оранжевым прорезиненным комбинезоном на нем были темно-зеленые армейские штаны и зеленый армейский джемпер с длинными рукавами, пропитанный потом, рыбой и соленой водой. Черные волосы были подстрижены коротко, по-военному, худое вспотевшее лицо украшала черная щетина.

Он подошел к женщине в ослепительном белом, все так же сидевшей на скамье. Она подняла взгляд ему навстречу — и все поднимала и поднимала, потому что он был очень высок.

— Привет.

Это прозвучало как выдох. И она перестала есть мороженое.

— Привет. — К ней он не прикоснулся. — Твое мороженое тает.

— Ох, я знаю... — Она облизнула вафельный рожок, стараясь остановить капли, но толку в том не было: мороженое уже превратилось в густое молоко и продолжало вытекать. Он смотрел на нее. — Похоже, мне его никогда не съесть до того, как оно растает, — пробормотала она, вставая. — Хочешь оставшееся?

— Нет, спасибо.

Она еще немного откусила, потом бросила рожок в урну. Он показал на ее губы.

Она облизнула их, чтобы снять остатки ванильного молока:

— Так лучше?

Он не ответил. Спросил:

— Вечером у нас опять лобстеры?

— Конечно. Как пожелаешь.

— Я пока хочу вернуться обратно и закончить работу.

— Да, конечно. А нам, может, спуститься к причалу? Подождать тебя?

— Я хочу помочь, — заявил Энтони.

Татьяна энергично встряхнула головой. Ей потом будет не отмыть с мальчика рыбный запах.

— Ты такой чистый, — сказал Александр. — Почему бы тебе не остаться с матерью? Я скоро.

— Но я хочу помочь тебе.

— Ну, тогда спускайся, может, мы найдем для тебя какое-то дело.

— Только пусть не прикасается к рыбе, — пробормотала Татьяна.

Ей не слишком нравилась работа Александра в качестве ловца лобстеров. От него несло рыбой, когда он возвращался. Все, к чему он прикасался, пахло ею. Несколько дней назад, когда она слегка ворчала, почти поддразнивая его, он сказал:

— В Лазареве ты никогда не жаловалась на то, что я ловил рыбу. — И он не шутил. Наверное, она выглядела довольно мрачно, поскольку он добавил: — В Стонингтоне нет другой работы для мужчины. Если ты хочешь, чтобы от меня пахло по-другому, нам придется куда-нибудь переехать.

Татьяна не хотела переезжать. Они только что устроились здесь.

— А насчет другого... — сказал Александр. — Я не хочу снова заводить этот разговор.

Верно, не надо вспоминать Лазарево, другой момент у моря рядом с вечностью. Но он был — в старой, пропитанной кровью стране. В конце концов, Стонингтон — с его теплыми днями и прохладными ночами, с пространством спокойной соленой воды везде, куда ни посмотри, с серебристо-синим небом и пурпурными люпинами, отражавшимися в прозрачном заливе вместе с белыми лодками, — это было больше, чем они когда-либо желали. Это было даже больше, чем они могли вообразить.

Единственной здоровой рукой Джимми замахал Александру.

— И как у вас прошел день? — спросила Татьяна, стараясь подерживать разговор, пока они спустились к причалу.

Александр был в своих тяжелых резиновых сапогах. Татьяна чувствовала себя невероятно маленькой рядом с ним, в его подавляющем присутствии.

— Хороший был улов?

— Неплохой. Хотя большинство лобстеров были слишком маленькими, пришлось их выпустить. И много самок с икрой, их тоже отпустили.

— Тебе не нравятся самки с икрой? — Татьяна придвинулась чуть ближе, глядя на него снизу вверх.

Слегка моргнув, он шагнул в сторону:

— Они хороши, но их нужно отпустить в воду, чтобы они могли метать икру. Не подходи так близко, я грязный. Энтони, мы не считали лобстеров. Поможешь их сосчитать?

Джимми любил Энтони.

— Приятель! Иди сюда. Хочешь посмотреть, сколько лобстеров поймал сегодня твой папа? Похоже, у нас их сотня, так что пока это лучший день.

Татьяна сумела заглянуть в глаза Александру.

Он пожал плечами:

— Когда мы находим в одной ловушке двенадцать лобстеров, а отпустить приходится десять, я не стал бы считать это хорошим днем.

— Два законных в одной ловушке — это отлично, Александр! — заявил Джимми. — Не беспокойся, ты это поймешь. Иди сюда, Энтони, посмотри на них!

Сохраняя уважительную дистанцию, Энтони заглянул в бак, где лобстеры, уже связанные и измеренные, карабкались друг на друга. Он говорил своей матери, что его не пугают их клешни, тем более связанные. В особенности после того, как отец объяснил ему:

— Они каннибалы, Энт. Им нужно связывать клешни, иначе они начнут есть друг друга прямо в цистерне.

Энтони спросил нарочито ровным тоном:

— Так вы уже сосчитали их?

Александр качнул головой, глядя на Джимми.

— Ох, нет-нет, — поспешно ответил тот. — Я был занят, поливал палубу из шланга. Я лишь приблизительно назвал их число. Хочешь сосчитать?

— Я не умею считать дальше двадцати семи.

— Я тебе помогу, — предложил Александр.

Поднимая лобстеров по одному, он позволял Энтони считать их, пока тот не доходил до десяти, а потом осторожно, чтобы не поломать клешни, складывал их в большие синие переноски.

Наконец Александр сказал Энтони:

— Сто два.

— Вот видишь? — обрадовался Джимми. — Четыре для тебя, Энтони. Тогда мне останется девяносто восемь. И все они отличные, большие, как полагается, с пятидюймовым панцирем — ну то есть их раковиной, приятель. Мы получим за каждого по семьдесят пять центов. Твой папа добыл сегодня для меня почти семьдесят пять долларов. Да, — добавил он. — Благодаря твоему папе я наконец могу зарабатывать на жизнь.

Он посмотрел на Татьяну, стоявшую на безопасном расстоянии от брызг воды из-под лодки. Она вежливо улыбнулась; Джимми коротко кивнул, но не улыбнулся в ответ.

Пока на рыбном рынке не начали собираться покупатели — из небольших магазинов, из ресторанов рыбных блюд, даже из курортного Бар-Харбора, — Александр мыл и приводил в порядок лодку, чистил ловушки, сворачивал канаты и ходил в конец причала, чтобы купить три бочонка сельди для приманки на следующий день, — рыбу он сложил в сетки и опустил в воду. Селедки в этот день поймали много: у него теперь было достаточно приманки для ста пятидесяти ловушек.

Он получил десять долларов за дневную работу и уже тщательно мыл руки очень крепким мылом под краном на причале, когда к нему подошел Джимми.

— Хочешь подождать и вместе со мной продать их? — Он показал на лобстеров. — Я тебе заплачу еще два доллара. А потом мы сможем выпить.

— Я не могу, Джимми. Но спасибо. Может, в другой раз.

Джимми снова посмотрел на Татьяну, солнечную и белую, и отвернулся.

Они пошли вверх по холму к своему дому.

Александр отправился принять ванну, побриться, подстричь волосы, а Татьяна, положив лобстеров в холодильник, чтобы усыпить их, вскипятила воду. Готовить лобстеров было очень легко, десять-пятнадцать минут в соленой воде. Они были очень вкусны-

ми, приятно было взламывать клешни, доставая мясо, кладя его в растопленное масло. Но иногда Татьяна думала, что скорее предпочла бы потратить на лобстеров два доллара в рыбной лавке раз в месяц, чем видеть, как Александр каждый день тратит тринадцать часов на лодке и получает четыре лобстера бесплатно. Это совсем не выглядело бесплатным. Прежде чем он вышел из ванной, она встала у двери, осторожно постучала и спросила:

— Тебе что-нибудь нужно?

За дверью было тихо. Она постучала громче. Дверь открылась, он навис над ней, свежий и выбритый, уже одетый. На нем были чистый зеленый джемпер и армейские штаны. Татьяна откашлялась и опустила взгляд. Когда она была босиком, ее губы находились на уровне его сердца.

— Что-нибудь нужно? — повторила она шепотом, чувствуя себя такой ранимой, что ей стало трудно дышать.

— Все в порядке, — ответил он, обходя ее. — Давай поедим.

Они ели лобстеров с растопленным маслом и морковью, луком и картофельным пюре. Александр съел трех лобстеров, большую часть пюре, хлеба и масла. Татьяна нашла его в Германии полностью истощенным. И теперь он ел за двоих, но все равно оставался очень худым. Она подкладывала еду на его тарелку, наполняла его стакан. Он пил пиво, воду, колу. Они тихо ели в маленькой кухне, которой домовладелица позволила им пользоваться, если они освободят ее до семи или будут готовить ужин и для нее. Они уходили до семи, и еще Татьяна оставляла ей немного пюре.

— Александр, у тебя... боль в груди?

— Нет, все в порядке.

— Вчера вечером чувствовалось — немного мягковато... — Она отвела взгляд, вспоминая прикосновение. — Еще не зажило до конца, а ты постоянно занимаешься этими ловушками. Мне не хочется, чтобы инфекция вернулась. Может, следует наложить повязку с фенолом?

— Я в порядке.

— Может, заново перевязать?

Он промолчал, просто посмотрел на нее, и на мгновение между ними, между его бронзовыми глазами и ее сине-зелеными, проскочило прошлое: Берлин, комната в помещении американской армии... Посольство, где они провели ночь, которая, как оба были уверены, была их последней ночью на земле, когда она зашивала

его изодранную грудную мышцу и плакала, а он сидел неподвижно, как камень, и смотрел сквозь нее — почти как сейчас. И тогда он сказал ей: «...У нас никогда не было будущего».

Татьяна первой отвела взгляд — она всегда отводила его первой — и встала.

Александр вышел наружу, чтобы посидеть на стуле перед домом на холме, смотрящем на залив. Энтони потащился за ним. Александр сидел молча и неподвижно, а Энтони носился по заросшему двору, подбирая камни, сосновые шишки, искал червячков, пчел, божьих коровок.

— Ты не найдешь сейчас божьих коровок, сынок. Их сезон в июне, — сказал наконец Александр.

— А-а, — откликнулся Энтони. — Тогда что вот это?

Наклонившись вбок, Александр присмотрелся:

— Я не вижу.

Энтони подошел ближе.

— Все равно не вижу.

Энтони подошел еще, протягивая руку, подняв указательный палец с божьей коровкой.

Лицо Александра было уже в нескольких дюймах от нее.

— Хм... Все равно не вижу.

Энтони посмотрел на божью коровку, потом на отца и медленно, застенчиво забрался к нему на колено, чтобы снова показать насекомое.

— Ладно-ладно, — сказал Александр, обнимая мальчика обеими руками. — Теперь вижу. Вынужден признать. Ты был прав. Божьи коровки в августе. Кто бы подумал?

— А ты раньше видел божьих коровок, пап?

Александр помолчал.

— Очень давно, рядом с городом, который называется Москва.

— Это в... Советском Союзе?

— Да.

— Там у них есть божьи коровки?

— У них *были* божьи коровки — пока мы их всех не съели.

Энтони вытаращил глаза.

— Просто больше нечего было есть, — пояснил Александр.

— Энтони, твой отец просто шутит, — сказала Татьяна, выходя из дома и вытирая влажные руки чайным полотенцем. — Он старается быть забавным.

Энтони всмотрелся в лицо Александра:

— Это было забавно?

— Тая, — рассеянно произнес Александр, — мне не встать. Можешь принести мне сигареты?

Она быстро ушла и вернулась с сигаретами. Поскольку стул здесь был только один и сесть ей было негде, она вложила сигарету в губы Александра, наклоняясь над ним, положив руку ему на плечо, зажгла ее, а Энтони тем временем положил жучка на ладонь Александра:

— Пап, не ешь эту божью коровку! — Маленькая ручка обвилась вокруг шеи Александра.

— Не стану, сынок. Я сыт.

— А вот что забавно, — сказал Энтони. — Мы с мамой сегодня познакомимся с одним человеком. Полковником. Его зовут Ник Мур.

— О, вот как? — Александр смотрел вдаль, глубоко затягиваясь сигаретой из руки Татьяны, все так же склонявшейся над ним. — И каков он?

— Он был похож на тебя, папа, — ответил Энтони. — Просто похож на тебя.

КРАСНЫЙ ЛАК ДЛЯ НОГТЕЙ

Посреди ночи мальчик проснулся и закричал. Татьяна подошла к нему, чтобы успокоить. Он утих, но не захотел оставаться один в своей кровати, хотя ее отделяла от родительской лишь ночная тумбочка.

— Александр, — шепотом окликнула она, — ты не спишь?

— Уже нет, — ответил он, вставая.

Отставив в сторону тумбочку, Александр сдвинул вместе кровати, чтобы Энтони лежал рядом с матерью. Они постарались устроиться поудобнее, он лег у стены, обняв Татьяну, а Татьяна обняла Энтони, который тут же заснул. Татьяна же лишь сделала вид, что тоже спит. Она знала, что через мгновение Александр поднимется с постели.

И действительно, через мгновение он ушел. Она прошептала ему вслед: «Шура, милый...» И через несколько минут тоже встала, набросила халат и вышла из дома. Его не было ни в кухне, ни во

дворе. Татьяна искала его всю дорогу вниз до причала. Он сидел на скамье, где обычно сидела сама Татьяна, ожидая возвращения Александра с моря. Она увидела вспышку его сигареты. Он был в одних солдатских штанах и дрожал. Обхватив себя руками, он раскачивался взад-вперед.

Татьяна остановилась.

Она не знала, что делать.

Она никогда не знала, что делать.

Развернувшись, Татьяна ушла в спальню. Она лежала в постели, не моргая смотрела куда-то через голову спящего Энтони, пока Александр не вернулся, замерзший и дрожащий, и не устроился рядом с ней. Она не шевельнулась, а он ничего не сказал, не издал ни звука. Лишь его холодная рука обняла ее. Они лежали так до четырех утра, когда он встал, чтобы отправиться на работу. Пока он размалывал в ступке кофейные зерна, она намазала для него маслом свежую булочку, набрала воду во фляжку и приготовила сэндвич, чтобы он взял его с собой. Он поел, выпил кофе, а потом ушел, но перед этим его свободная рука на мгновение скользнула под ее сорочку, задержалась на ягодицах и между ногами...

Они пробыли на Оленьем острове ровно пять минут, вдохнули полуденный соленый воздух, увидели рыбацкие лодки, что возвращались к берегу, — и Татьяна тут же сказала, что месяца на это место не хватит. Прежде они договорились, что в каждом штате проведут месяц, а после отправятся дальше. Сорок восемь штатов, сорок восемь месяцев, начиная с Оленьего острова.

— Месяца будет недостаточно, — повторила она, когда Александр промолчал.

— В самом деле? — наконец пробормотал он.

— Тебе не кажется, что здесь замечательно?

В ответ по его губам скользнула короткая ироническая улыбка.

На первый взгляд в Стонингтоне было все, что нужно: универсальный магазин, галантерейный магазин, хозяйственный магазин. В универсаме продавали и газеты, и журналы, и, что куда важнее, сигареты. Здесь имелись также кофейные зерна и шоколад. На севере и юге Оленьего острова держали коров — а следовательно, имелись молоко, сыр и масло, — а также и кур, которые несли яйца. Грузовые суда доставляли зерно. Хлеба было в достатке. И много яблок, груш, слив, бобов, помидоров, огурцов, лука, моркови, тур-

непса, редиса, баклажанов, цукини. И изобилие дешевых лобстеров, форели, разной морской и речной рыбы. И даже говядина и цыплята, хотя они их и не ели никогда. Кто бы мог поверить, что эта страна прошла через Великую депрессию и мировую войну?

Александр сказал, что на десять долларов в день не прожить.

Татьяна заявила, что этого будет достаточно.

— А как насчет туфель на высоком каблуке? И платьев для тебя? Кофе? А мои сигареты?

— На сигареты определенно не хватит. — Татьяна заставила себя улыбнуться при виде его лица. — Я шучу. Этого хватит на все.

Она не хотела упоминать о том, что сумма, которую он тратит на сигареты, почти равняется той, что они тратят на еду для всех троих в течение недели. Но зарабатывал ведь только Александр. И он мог тратить свои деньги так, как ему хотелось.

Когда она пила воскресный кофе, она говорила с ним на английском. А он отвечал на русском, выкуривая воскресные сигареты и читая воскресную газету.

— В Индокитае называют волнения, — сказал он по-русски. — Там властвовали французы, но во время войны отдали все Японии. Японцы проиграли войну, но уходить оттуда не желают. Французы, спасенные победителями и вставшие на их сторону, хотят вернуть свои колонии. Японцы возражают. Соединенные Штаты, оставаясь нейтральными, помогают своей союзнице Франции, но они буквально стоят между молотом и наковальней, потому что помогают и Японии тоже.

— Мне казалось, Японии теперь не разрешается иметь армию? — спросила по-английски Татьяна.

Он ответил по-русски:

— Верно. Но у них есть постоянная армия в Индокитае, и, пока Штаты их не вынудят, они не сложат оружие.

Татьяна спросила на английском:

— А почему тебя все это интересует?

Он ответил по-русски:

— А-а... видишь ли... как будто и без того мало проблем... но ведь Сталин десятилетиями обхаживал этого крестьянина Хо Ши Мина, платил за его короткие образовательные поездки в Москву, поил водкой и кормил икрой, учил марксистской диалектике и отдавал ему кое-что из старых пистолетов-пулеметов Шпагина и минометов и даже неплохие американские «студебекеры», полученные

по ленд-лизу, а заодно тренировал и обучал прямо на территории Советов его небольшую банду вьетконговцев.

— Учил их воевать с японцами, с которыми Советы воевали и которых ненавидели?

— Можешь не поверить, но это не так. Воевать с прежним союзником Советов, колониальной Францией. Ирония? — Александр загасил сигарету, отложил газету. — А где Энтони? — тихо спросил он по-английски, но не успел даже потянуться к руке Татьяны, как в кухню вошел Энтони.

— Я здесь, пап. А что?

Им нужна была комната, где они могли бы просто побыть вдвоем, но Энтони так не думал, и, кроме того, у старой домовладелицы такой комнаты не было. У них был выбор между крошечной комнатой рядом с кухней, в узком вертикальном домике, смотрящем на залив, с двумя двуспальными кроватями, с ванной и туалетом в конце коридора, — и их собственным домом на колесах, с одной кроватью, без ванны и без туалета.

Они заглядывали и в другие дома. В одном жила семья из пяти человек. В другом — из трех. В третьем ютились семеро, и все женщины. Поколения и поколения женщин, заполнявших белые домики, и старики, уходившие в море. И молодые мужчины — кто-то цел и невредим, кто-то нет, — понемногу возвращавшиеся с войны.

Миссис Брюстер жила одна. Ее единственный сын не вернулся, хотя Татьяна не думала, что он воевал. Какая-то фальшь звучала в словах старой леди: «О, ему пришлось уехать на какое-то время». Ей было шестьдесят шесть лет, и сорок восемь из них она вдовствовала: ее муж погиб на испано-американской войне.

— В тысяча восемьсот девяносто восьмом? — шепотом спросила Александра Татьяна.

Он пожал плечами. Его тяжелая рука слегка сжала плечо Татьяны, давая понять, что ему не слишком нравится миссис Брюстер, но Татьяне все равно было радостно ощутить его прикосновение.

— Это ваш муж, да? — с подозрением спросила миссис Брюстер, прежде чем решилась сдать им комнату. — Он не из... — Она неопределенно помахала рукой. — Потому что мне не хотелось бы иметь такого жильца в моем доме.

Александр молчал. Трехлетка спросил:

— Иметь кого?

Домовладелица прищурилась, глядя на Энтони:

— Это твой отец, малыш?

— Да, — ответил Энтони. — Он солдат. Он был на войне и в тюрьме.

— Да, — сказала миссис Брюстер, отводя взгляд. — Тюрьма — это тяжело. — Потом она прищурилась, повернувшись к Татьяне. — Что это у вас за акцент? По мне, так не американский.

Энтони чуть было не сказал:

— Рус...

Но Александр быстро загородил собой жену и сына:

— Так вы сдадите нам комнату или нет?

Она сдала комнату.

А теперь Александр спросил Татьяну:

— Зачем мы купили фургон, если не собираемся в нем жить? Мы могли бы и продать его. Напрасная трата денег.

А что бы они делали, когда попали в пустыню на западе, — хотелось бы знать Татьяне. В белые холмы Калифорнии? В Адский каньон в Айдахо? Несмотря на свою внезапную бережливость, Александр не продал дом на колесах, мечта о нем была еще свежа. Но в том-то и заключалась суть: хотя Татьяна знала, что Александру нравилась идея дома на колесах и именно он хотел купить его, ему не слишком нравилась реальность.

У Татьяны сложилось впечатление, что многое в его новой, гражданской жизни вызывало у него те же чувства.

В фургоне не было проточной воды. А Александр постоянно мыл то одну часть своего тела, то другую. Это стало результатом того, что он слишком много лет находился слишком близко от других людей. Он маниакально мыл руки; конечно, на них почти постоянно были следы рыбы, но в штате Мэн просто не было достаточно мыла, или лимонов, или уксуса, чтобы руки стали достаточно чистыми, по мнению Александра. Им приходилось платить миссис Брюстер лишних пять долларов в неделю за ту воду, что они расходовали.

Александру, возможно, нравилась идея иметь сына, но теперь рядом постоянно находился трехлетний мальчик, который никогда не отходил от матери и спал в одной комнате с ними! И забирался к ним в постель ночами. Нет, это было слишком для солдата, никогда не общавшегося с детьми.

— Ночные кошмары трудно вынести такому малышу, — объясняла Татьяна.

ПОЛИНА САЙМОНС
ЛЕТНИЙ САД

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Элеонора Шорина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.06.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 56,84. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

Y-ABB-34718-01-R